

Оксана Юрьевна Васильева

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омск, Россия
e-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Диана Олеговна Вольных

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, студентка, Омск, Россия
e-mail: 570_2345@mail.ru

Историко-лингвистическое описание ономастической лексики в русском языковом сознании (на материале справочника С. Б. Веселовского «Ономастикон»)

Аннотация. В статье ономастическая лексика XV–XVII вв. детерминирована как аспект древней антропологической традиции. Предлагаемая историко-этимологическая реконструкция номинаций не только свидетельствует об эволюции процессов именования человека, но и расширяет представление носителей языка об этнокультурологическом потенциале нации.

Ключевые слова: антропоним, древнерусские прозвища, структурно-семантическая характеристика, историко-этимологическая реконструкция, словообразовательная модель, образно-метафорическая составляющая.

Oksana Yu. Vasilyeva

Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Omsk, Russia
e-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Diana O. Volnykh

Dostoevsky Omsk State University, Student, Omsk, Russia
e-mail: 570_2345@mail.ru

Historical and Linguistic Description of Onomastic Vocabulary in Russian Language Consciousness (Based on the Reference Book by S. B. Veselovsky "Onomasticon")

Abstract. In the article, the onomastic vocabulary of the 15–17th centuries is determined as an aspect of the ancient anthropological tradition. The proposed historical and etymological reconstruction of the nominations testifies not only to the evolution of the processes of naming a person, but also expands the native speakers' understanding of the ethno-cultural potential of the nation.

Keywords: anthroponym, old Russian nicknames, structural and semantic characteristics, historical and etymological reconstruction, word-formation model, figurative and metaphorical component.

Введение (Introduction)

Человек, окружающая его действительность, его внутренний мир и *имя* — всё это имеет глубинную и неразрывную связь. Не случайно русский философ П. А. Флоренский утверждал, что «имена выражают природу вещей» [1, с. 396]. И именно человек способен разглядеть эту природу вещей, прочувствовать, понять ее, а затем обозначить.

С давних времен к выбору имени относились крайне серьезно, и поэтому человека называли не как дань моде, а уделяя огромное внимание «природе вещей»: старались или выделить какой-то важнейший его признак, или наделять его новым, который хотели бы в нём увидеть в будущем. Поэтому, зародившись, а затем развиваясь, катего-

рия имени была в прямой зависимости от человека и от его картины мира. В этом контексте становится понятной актуальность данного исследования, которая состоит в ретроспективном изучении ономастической лексики XV–XVII вв., интерпретирующем процессы формирования именования человека и пути осмысления этих процессов в русском языковом сознании.

До принятия христианства детям при рождении давали только личные имена, причем языческие, славянские. В то время можно было встретить ребенка, названного *Первухей*, *Любимом*, *Нежданом*, *Владимиром*, *Святославом* и др. Имена для детей выбирались не просто так: в основу имени был положен тот или иной отличительный признак, будь это

отношение родителя к своему ребенку (*Любим — любимый, Неждан — неожиданный*) или предсказание его будущего (*Владимир — владеющий миром*).

После христианизации Руси славянские имена начали вытесняться именами греческого происхождения. Совершенно очевидно, что христианское имя не могло заменить имени славянского, данного при рождении. О насаждении христианских имен рассуждал языковед В. К. Чичагов: «...новые [греческие] имена, к тому же темные в семантическом отношении, а также нередко трудные и для произношения, не могли сразу же заменить прежних русских имен эпохи языческих верований, складывавшихся в течение ряда веков на основе родного и привычного языкового материала» [2, с. 12]. В результате у восточных славян оказалось в употреблении два имени, подтверждение чему, например, находим в княжеском помяннике из Киево-Печерского патерика: «...*Во своих си приятелех именем Милонег, Петръ же по крещении*» (текст дан в графике интернет-ресурса. — О. В., Д. В.) [3].

Со временем мирское имя стало реже употребляться в своей изначальной роли и перешло в разряд прозвищ. Вплоть до XVII в. прозвища были широко употребимы и использовались даже в официальных документах. Собственно, значение самого слова *прозвище* в XV — начале XVIII в. было гораздо шире, чем в настоящее время. Е. Н. Полякова приводит пример: «Обратите внимание, что называют прозвищем в уральских деловых текстах XVII века: “Села Тихановского Митька Новик, а прозвищем сказался *Загвоздин*”, “Захар, отчества его не знаю, прозвищем *Меринов*”» (курсив наш. — О. В., Д. В.) [4, с. 98]. То, что в современном понимании русского человека является фамилией — *Меринов, Загвоздин* — на данном этапе развития именования мыслилось как прозвище. Фамилия сформировалась и выделилась в самостоятельную категорию несколько позже.

Методы (Methods)

Историко-этимологический и лексико-семантический аспекты изучения указанного номинативного фонда позволяют выявить особенности его системной организации, описать характер смысловых отношений, степень влияния заимствованной лексики на его формирование, состав архаичных и диалектных номинаций. Ономастическая лексика XV–XVII вв. является весьма ценным материалом для историко-лингвистического исследования, поскольку способствует не только изучению процессов, происходивших на различных уровнях языка, но и дает дополнительные сведения этнокультурологического характера. Репрезентация этимологической реконструкции, осуществленной в антропологическом ключе, способствует установлению древних семантических связей с современным иноязычным компонентом и учитывает многоаспектность, обусловленную отражением преобразований в диахронии в ономастической лексике на разных языковых уровнях — словообразовательном, морфологическом и фонетическом.

В настоящем исследовании предлагается структурно-семантическая и историко-этимологическая характеристика наименований древнерусского человека XV–XVII вв. Материалом исследования послужила книга «Ономастикон» С. Б. Веселовского, представляющая собой справочник

по именам, прозвищам и фамилиям Северо-Восточной Руси XV–XVII вв. Работа создана на основе огромного количества опубликованных и неопубликованных источников (летописей, разрядов, актов и др.) и сама по себе является источником по истории языка, исторической географии, социальному составу населения и т. д. Книга выпущена в 1974 г. Академией наук СССР под редакцией В. И. Буганова и Б. В. Левшина [5].

Литературный обзор (Literature Review)

В современной лингвистике традиции ономастического направления изучались в разные периоды развития русского языка В. К. Чичаговым [2], Е. Н. Поляковой [4], А. М. Селищевым [6], Б. О. Унбегауном [7], А. В. Суперанской [8] и др. Значимыми трудами справочного характера в области ономастических исследований можно считать, наряду с «Ономастикон» С. Б. Веселовского, «Словарь древнерусских личных собственных имен» (первое издание — 1903) Н. М. Туликова [9], «Словарь русских личных имен» (первое издание — 1966) Н. А. Петровского [10].

Особо важным представляется вопрос об основах, с которыми исторически связаны прозвища. В. К. Чичагов, исследовав обширный ономастический материал XV–XVII вв., констатировал: «Для определения сравнительной древности прозвищ XV–XVII вв., т. е. для выяснения вопроса о том, которые из этих прозвищ восходят к русским именам дохристианской эпохи, важное значение имеет рассмотрение значения основ, от которых образовывались прозвища XV–XVII вв.» [2, с. 30].

Уже в древней традиции были зафиксированы основополагающие признаки именования человека, о чём свидетельствует классификация «личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии» А. М. Селищева, опубликованная в его незаконченном труде «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ».

Не случайно типология личных имен и прозвищ по значению основы, предложенная А. М. Селищевым, оказалась достаточно обширной: 1) обстоятельства появления нового члена семьи, выражение ожидания и неожиданности появления нового члена, чувство родителей (*Найден, Проданец, Любим, Милота*); 2) профилактика (*Бессон, Бессмертной, Горе, Неудача*); 3) семейные отношения (*Первой, Меньшик, Поздей, Внук*); 4) внешний вид, физические недостатки (*Безбородой, Беляна, Брюхан, Сухой, Шадря*); 5) свойства (*Балуи, Баламут, Бирюк, Булгак*); 6) социальное и экономическое положение (*Селянин, Холоп, Бобыль, Гольтепа*); 7) профессия, занятия, должность (*Гончар, Дьяк, Коновал*); 8) пришеельцы, место происхождения (*Ненаш, Инозем, Казанец, Серпуховитин*); 9) церковные отношения и элементы (*Аминь, Богомол, Игумен, Грех, Келарь*); 10) насмешливые клички (*Беспортошник, Болван, Олук, Поганый поп*); 11) животные (*Баран, Лиса, Лось*); 12) птицы (*Беркут, Воробей, Ворона*); 13) насекомые (*Блоха, Гнида, Жук*); 14) рыба (*Ерш, Лещ, Окунь*); 15) растения (*Арбуз, Береза, Горох, Дуб*); 16) пища (*Бардук, Борщ, Оладья*); 17) имена и прозвища по разным предметам (*Алмаз, Базар, Бархат, Роспуга*); 18) татарские имена; 19) имя народа (*Варяжко, Гречанин, Казарин, Немчин*) (обзор по: [5]).

Как показывает классификация А. М. Селищева, древнерусские прозвища могли быть образованы от большого количества отличных друг от друга основ, причем в большинстве случаев прозвища приобретали лексическое значение с образно-метафорической составляющей (см. выше п. 4, 5, 9–17).

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Рассмотрим примеры номинаций.

В XV–XVII вв. были широко распространены антропонимы, дифференцирующие носителя по какому-либо признаку внешнего вида. К указанной группе можно отнести и номинацию *Русава*, зафиксированную С. Б. Веселовским: «**Русава** Алена, холопка, 1603 г., Новгород» [5, с. 273].

По справедливому замечанию С. Б. Веселовского, рассматриваемое прозвище является фонетическим вариантом лексемы *русалка* [5, с. 273], которое, вероятно, было видоизменено под влиянием народной речи. Русалка — мифическое существо, представление о котором получило распространение в древних языческих верованиях славян. Русалок представляли женщинами с длинными распущенными волосами в белых одеждах — или нагих. В некоторых регионах верили, что русалки молоды и красивы.

Русалка — дух воды, обитатель водоемов. Предполагается, что номинация *русалка* связана с лексемами *русло*, *Рось*, *река*, каждая из которых имеет непосредственное отношение к воде. По данным «Этимологического словаря» М. Фасмера, лексема *русло* родственна литовскому *rusėti* 'течь', *rusnóti* 'медленно течь' [11]. Название реки *Рось*, которая является правым притоком Днепра, по указанию словаря, «...родственно слову *русло*» (здесь и далее курсив наш. — О. В., Д. В.) [11]. Лексема *река* имеет тот же корень, что и «...др.-инд. *rāyas* м. 'течение, ток', *ṛīyatē* 'двигается, начинает течь', *rītiṣ* ж. 'ток, беги', *rētas* 'течение', *rīṇas* 'текущий', галльск. *Rēnos* 'Рейн', ср.-ирл. *rián* 'река, дорога', лат. *rīvus* м. 'ручей, канава'...» [11]. Как форма, так и содержание представленных лексических рядов позволяет предположить, что *река*, *русло* и *Рось* — родственные слова. Общим интегрирующим семантическим компонентом этих лексем можно считать идею *текучести*. Формально же они имеют общий корень *rus-*, фонетически интерпретированный в зависимости от той или иной языковой системы. Подобную историю бытования обнаруживаем и при рассмотрении лексемы *русалка*, которая имеет аналогичный древний корень *rus-* (*rus-*). Кроме того, лексическое значение номинации *русалка* (в толковании С. И. Ожегова — «...существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и *рыбьим хвостом, живущее в воде*» [12]) также репрезентирует отношение называемого явления, объекта к чему-то текучему, жидкому, т. е. к воде. Это позволяет лексемы *русло*, *река*, *Рось* и *русалка* считать этимологически родственными словами.

Историко-этимологическое комментирование дает основание полагать, что номинация *русалка* — лексическая единица, образованная от древнего корня *rus-*, принадлежащего праиндоевропейскому языку. Образованный от нее антропоним *Русава*, вероятнее всего, указывал на молодость, красоту, длинные волосы его носительницы. По клас-

сификации «личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии» А. М. Селищева, антропоним *Русава* входит в группу «Внешний вид, физические недостатки».

Не менее распространенными были имена, отмечающие свойства характера носителя. К подобным именованиям можно отнести антропоним *Бучень*, зафиксированный в XV–XVI вв.: «**Бучень, Бучневы**: кн. Андрей Борисович Бучень Горбатого-Суздальский... кн. Федор Федорович Бучень Пожарский... Василий Бучнев, крестьянин, 1495 г., Новгород; Иван Андронов Бучнев, крестьянин, 1564 г., Олонец...» [5, с. 58]

Лексема *бучень* известна и современному русскому языку, но только в настоящее время это слово бытует лишь в диалектах. В «Словаре русских народных говоров» за ним закреплено несколько лексических значений: «1. То же, что бучел. <...> 2. Большой кулик... <...> 3. То же, что бучель. <...> 4. Оса. <...> 5. Лягушка...» [13, с. 329]. Однако С. Б. Веселовский акцентирует внимание лишь на одном лексическом значении: *бучень* — «шмель». Вероятно, рассматриваемая номинация является производной от глагола *бучать* — «...издавать глухой звук, гул; гудеть, ...реветь, мычать...» [13, с. 328]. Из этого следует, что лексема *бучень* образована от глагола *бучать* с помощью суффикса *-енj-* и соответствует словообразовательной модели, выражающей значение образа действия субъекта, который называет.

Происхождение глагола *бучать* репрезентировано в «Этимологическом словаре» М. Фасмера, но только употреблен он в иной фонетической огласовке — *букать* [11]. Указанный глагол имеет звукоподражательное происхождение. Глухой, низкий звук в сознании носителя русского языка, вероятно, ассоциировался в произношении со слогом *бу*. Далее, это сочетание оформилось в часть слова — корень — и образовало глагол *букать*. Подобные звукоподражательные глаголы зафиксированы в различных языках: «...лтш. *baũkš* — межд. падения, удара, *bũkšēt* 'глухо раздаваться', лит. *bũkčius* 'заика', ...др.-инд. *bũkkāras* 'рев льва', *bũkkati* 'лает', греч. *βũκτης* 'воющий', *βũκάνη* 'труба'... лат. *bucca* 'щeka'» [11]. Среди славянских языков находим «...словен. *bũkati* 'мычать, хрюкать', чеш. *boukati* 'реветь, мычать'...» [11]. Семантическое единство обозначенных выше лексем подтверждает и факт исторической фонетики, поскольку они имеют общий праславянский корень: **bũk/*bũk*, послуживший базой для этимологически родственных слов *пчела* (< *бъчела* < **bũk*) и *бык* (< **bũk*).

На основе вышеизложенного можно предположить, что *Бучнем* называли человека, имеющего низкий, густой, характеризуемый как мощный бас голос. Об этом свидетельствует этимология глагола *букать*, образовавшего данную номинацию: неоднократно в семантике родственных глаголов встречались такие семы, как '*мычание*', '*рев*', '*глухость*', '*лай*', '*вой*' и т. п. Антропоним *Бучень*, по классификации «личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии» А. М. Селищева, входит в группу «Свойства человека».

Нередко человека именовали по роду его деятельности, например, *Греходоводом*. Указанная номинация отмечена в середине XV в.: «**Греходовод** Герасим, духовник кн. Евфросины Дмитровской...» [5, с. 87]

Представленный антропоним образован по довольно продуктивной словообразовательной модели с помощью словообразовательных средств, известных современному русскому языку — путем сложения основ. С. Б. Веселовский указывает, что в данном случае в качестве дериватов выступают лексемы грех и доводчик (от глагола водить). Автор приводит толкование последнего: «...Доводчик — судебный пристав и следователь...» [5, с. 87–88] Отсюда следует определение, которое дает С. Б. Веселовский прозвищу *Греходовод*: «...Греходовод — знаток человеческого сердца, мастер выявлять грехи своего духовного сына, помогать ему исповедаться и получить отпущение грехов» [5, с. 88].

Выявлению семантического наполнения сложной (двухсоставной) номинации *Греходовод* также способствует этимологический анализ входящих в ее состав лексем *грех* и *водить*.

М. Фасмер предполагает, что славянское **grěxъ* связано с лексемой *греть* в первоначальном значении 'жжение (в данном случае — *совести*)' [11]. Более того, по его мнению, значение древнеиндийского слова *tāpas* 'жара, боль' этимологически обусловлено глаголом *tāpati* 'раскаляется', которое выдвинул Бернекер [11]. Если лексемы *грех* и *греть* родственны, то необходимо разобраться в происхождении корня **гъr-*. Такой же корень находим в слове *гореть*. В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указано, что слово *гореть* «...родственно лит. *gariù, garėti* 'жечь, вспыхивать от гнева', *išgarėti* 'испаряться', *gāras* 'пар', др.-инд. *ghṛṇōti* 'светит, пылает', *hāras* ср. р. 'жар', греч. *θέρουμαι* 'раскаляюсь', *θέρως* 'лето; урожай', ...др.-прусс. *gortne* 'жара'...» [11]. Судя по распространенности корня **гъr-* в языках разных групп внутри индоевропейской семьи, можно говорить о том, что рассматриваемый корень довольно древний и, вероятно, он принадлежит индоевропейскому праязыку.

Происхождение слова *водить* свидетельствует о том, что оно «родственно лит. *vadyti, yadaũ*, лтш. *vadīt, vadu*, авест. *vādayeiti* 'ведет', *vādya-* 'на выданы (о девушках)', ирл. *fedim* 'веду, несу', кимр. *dyweddiō* 'женюсь'...» [11]. Как и в предыдущем случае, корень **vad-* встречается в разных языках индоевропейской семьи, поэтому, подобно корню **гъr-*, корень **vad-* — наследие индоевропейского праязыка.

Таким образом, собственно славянская номинация *Греходовод* возникла по типично русской словообразовательной модели, в составе которой две древнейшие основы **гъr-* и **vad-*. Взаимодействуя друг с другом, эти единицы образовали прозвище, называющее человека по роду деятельности: *Греходовод* — духовник, по сути, человек,

способный снять «жар души», в древней традиции даже уберечь от грехопадения, а в современном понимании — устранить душевный дискомфорт. По классификации «личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии» А. М. Селищева, антропоним *Греходовод* входит в группу «Профессия, занятия, должность».

Заключение (Conclusions)

Подводя итоги, можно констатировать, что рассмотренные номинации — *Русава*, *Бучень* и *Греходовод* — являются исконно русскими единицами, как и подавляющая часть других русских антропонимов, широко распространенных в период до XVIII в. К началу XVIII в. привычная для сегодняшнего русского человека трехчленная система именования (фамилия, имя, отчество) окончательно сформировалась, поэтому прозвища оказались за пределами официальных документов и сохранились лишь в быту. Е. Н. Полякова указала на изменение значимости прозвищ с течением времени: «Способы образования прозвищ претерпели незначительные изменения. А вот роль их постоянно менялась. Некогда прозвища занимали важное место в официальном языке, но постепенно утратили его. Сейчас они сохраняются лишь в говорах и просторечии и употребляются только в неофициальной обстановке» [4, с. 109].

Важно отметить, что все три лексические единицы образованы по типичным для русского языка словообразовательным моделям и подчинены его грамматическим законам. Всё это позволяет говорить о том, что категория имени была крайне закрытой языковой системой, не допускающей излишнего влияния извне. Имена должны были быть понятны русскому человеку, именно поэтому для образования имен использовались ресурсы русского языка, которые смогли бы отразить представления одного русского человека о другом, раскрыть его суть. Вернемся к высказыванию П. А. Флоренского: «Имена выражают природу вещей» [1, с. 396]. Это высказывание можно считать законом деривации антропонимов с самого появления славянских общин и до начала европеизации.

Сегодня мы можем говорить о том, что при выборе имени больше не играет никакой роли его план содержания — важен лишь план выражения, т. е. привлекательное звучание или написание имени, степень распространенности, мода, некая *изысканность*, а лучше сказать, *вычурность*. Для таких целей зачастую используются заимствованные в тот или иной период имена. Новые имена в системе современного русского языка практически не образуются.

Библиографический список

1. Флоренский П. А. Соч. : в 4 т. / сост. и общ. ред. А. С. Трубачева. М. : Мысль, 1999. Т. 3 (2). 623 с.
2. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М. : Учпедгиз, 1959. 126 с.
3. Княжеский помянник из Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада : [сайт]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1180-1200/Knjaz_romjanik/frameset.htm (дата обращения: 09.08.2021).
4. Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий. М. : Просвещение, 1975. 157 с.
5. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974. 382 с.
6. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1: Социоллингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 387–423.

7. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ. Л. В. Куркиной, В. П. Нерознака, Е. Р. Сквайрс. М. : Прогресс, 1989. 440 с.
8. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских фамилиях. СПб. : Азбука-классика : Авалон, 2008. 288 с.
9. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004. 893 с.
10. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М. : Русские словари, 2000. 446 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 10.10.2020).
12. Русалка / Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/русалка> (дата обращения: 10.10.2020).
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 3: Блазнишка — Бяшутка / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука ; Ленинград : Наука, 1968. 360 с.

References

- Chichagov V. K. (1959) *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii: voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vekov* [From the History of Russian Names, Patronymics and Surnames: Questions of Russian Historical Onomastics of the 15th–17th Centuries]*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 126 p. (in Russian)
- Fasmer M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]*, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer> (accessed: 10.10.2020). (in Russian)
- Filin F. P. (ed.) (1968) *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Issue 3: Blaznishka — Byashutka* [Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 3: Blaznishka — Byashutka]*. Moscow, Nauka Publ., 360 p. (in Russian)
- Florenskii P. A. (1999) [Collected Works]*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 3 (2), 623 p. (in Russian)
- Knyazheskii pomyannik iz Kievo-Pecherskogo paterika v redaktsii Iosifa Trizny [Princely Commemoration from the Kiev-Pechersk Patericon, Edited by Joseph Tryzna]*, *Vostochnaya literatura: srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada* [Oriental Literature: Medieval Historical Sources of the East and West]*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1180-1200/Knjaz_pomjanik/frametext.htm (accessed: 08.09.2021). (in Russian)
- Ozhegov S. I. *Rusalka* [Mermaid]*, *Tolkovi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (accessed: 10.10.2020). (in Russian)
- Petrovskii N. A. (2000) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian Personal Names]*. Moscow, Russkie slovari Publ., 446 p. (in Russian)
- Polyakova E. N. (1975) *Iz istorii russkikh imen i familii* [From the History of Russian Names and Surnames]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 157 p. (in Russian)
- Selishchev A. M. (2003) *Proiskhozhdenie russkikh familii, imen i prozvizhch* [Origin of Russian Surnames, Names and Nicknames]*, *Selishchev A. M. Trudy po russkomu yazyku, vol. 1. Sotsiolingvistika* [Works on the Russian Language. Vol. 1. Sociolinguistics]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 387–423. (in Russian)
- Superanskaya A. V., Suslova A. V. (2008) *O russkikh familiyakh* [About Russian Surnames]*. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., Avalon Publ., 288 p. (in Russian)
- Tupikov N. M. (2004) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]*. Moscow, Russkii put' Publ., 893 p. (in Russian)
- Unbegaun B. O. (1989) [Russian Surnames]. Moscow, Progress Publ., 440 p. (in Russian)
- Veselovskii S. B. (1974) *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]*. Moscow, Nauka Publ., 382 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.